

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Ленинградское отделение

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА

XV ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ ДО ИВ АН СССР

(доклады и сообщения)

декабрь 1979 г.

Часть I (2)

Издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1981

НАЦУМЭ СОСЭКИ О ПРОФЕССОРЕ КЭБЕРЕ

У Нацумэ Сосэки, крупнейшего японского писателя начала века, есть небольшой очерк "Учитель Кэбер" (Кэбэру сэнсэй, 1911 г.). Написанный в свое время для токийской газеты "Асахи симбун", он включается не только в полные, но и во все избранные собрания сочинений Сосэки. Представляется интересным, во-первых, установить личность Кэбера, неизвестного нашему читателю, во-вторых, посмотреть, какими средствами достигает Сосэки того, что неведомая доселе фигура из прошлого предстает перед нами как живая.

"Пойдите на Литературное отделение¹ и спросите, кто из профессоров здесь самая выдающаяся личность. Десяносто студентов из ста назовут вам фон Кэбера и лишь потом вспомнят многих преподавателей-японцев..."² - пишет Сосэки. Кто же такой Кэбер?

Судьба этого человека сложилась так, что он вообрал в себя по меньше мере три национальных культуры. Рафаэль фон Кэбер (1848-1923) родился в России, в Нижнем Новгороде; учился в Московской консерватории у самого Чайковского и у Н.Рубинштейна. На своей "исторической родине", в Германии получил философское образование, впитал идеи неоидализма, на высшей шкале ценностей которого значились "истина, добро, красота". Япония стала для него как бы третьим отечеством. Он приехал в Токио по приглашению Имперского университета в 1893 г. и более двадцати лет (до 1914 г.) преподавал философию, немецкую литературу, классические языки в этом ведущем учебном заведении страны.

В японской столице Кэбер основал также музыкальную школу и сам давал уроки фортепьянной игры. Печатался в журналах ("Ситэ" и др.), издавались его труды по философии Гартмана, Шопенгауэра, Ницше. Вышел трехтомник "Мелочи Кэбера" (Кэбэру сёхин сю).³

Изучение европейской философии было поставлено благодаря Кэберу на фундаментальную основу. Канта и Гегеля он приучал читать в немецких оригиналах, античных философов - на древнегреческом, на латыни. Выучку, приобретенную на студенческой скамье у Кэбера, с благодарностью вспоминал Нисидо Китаро, крупнейший японский философ XX века. Учениками профессора Кэбера являлись такие известные впоследствии литераторы и ученые, как

Такаяма Тёгю, Уэда Бин, Анэдзаки Тёфу, Хатано Сэйити, Абэ Дзиро, Абэ Ёсинари, Вацудзи Тэцуро и другие.

Огромное уважение к наставнику, благородная атмосфера, которую он создавал, отражены в воспоминаниях писателя и философа Абэ Дзиро. "Своим предметом – философией учитель владел прекрасно. Новых концепций не конструировал, но комментировал существующие очень свободно. Воспитание свободной личности учитель считал главной целью. Для нас воплощением всех лучших качеств представлялся его собственный облик".⁴

Нацумэ Сосэки довелось слушать лекции Кэбера в бытность его аспирантом Имперского университета. Впоследствии, когда Сосэки возглавил кафедру английской литературы, они стали коллегами и друзьями. Очерк запечатлел одну из их встреч в те времена, когда Кэберу было уже за шестьдесят.

Писатель пришел к нему в гости. В модернизированном районе у железнодорожной линии Кобусэн лишь дом учителя выглядел "стародавней ветхостью". Наблюдательный глаз Сосэки отметил, что на обеденном столе вместо белой скатерти, "которую европейцы считают столь неперменной", лежал кусок пестрой материи, оставшейся от починки матраца-футона. Многочисленные книги на европейских и восточных языках "не сверкали золотыми тиснениями". Рядом с непритязательной тужуркой учителя его собственный крахмальный воротник выглядел претенциозно.

Передавая содержание беседы, Сосэки пишет: "Спросил учителя, не скучает ли он в одиночестве, – он ответил, что ничуть не скучает. Спросил, не возникает ли желание вернуться на Запад, – он ответил, что не столь уж Запад хорош, что единственное, чего ему здесь, в Японии недостает, это концертов, театров... Вот уже восемнадцать лет учитель спокойно живет в нашей стране... Он похож на живую греческую скульптуру, которая оказалась посреди дымного города; в любой толчее он сохраняет спокойствие. Его ботинки не царапают гвоздями мостовую, обутый, подобно древним корейцам, в мягкие кожаные сандалии, он бесшумно ступает рядом с трамваем".⁵

Лирический портрет Кэбера приобретает законченность благодаря необычайно выразительному и полному ассоциаций сравнению. Сосэки рассказывает, что тот долгое время держал у себя ручного ворона. Птица свободно летала по дому, по саду. Однажды, проведя холодную ночь на дереве, она погибла. Между одиноким профессором и этой старой птицей Сосэки почувствовал "неуловимое родство".

Сосэки как-то видел, что Кэбер снимал с библиотечной полки сочинения Эдгара По, и подумал: "Учитель говорил, что если когда-нибудь расстанется с Японией, то не вернется уже никогда. При этом мне вспомнились слова, которые он часто произносил: по шогэ, невершогэ". Следуя лаконичным поэтическим правилам лучших отечественных образцов, Сосэки не расшифровывает этого намека. Но судя по всему контексту, приведенные им английские слова – это цитата из "Ворона" – лирического шедевра американского поэта-романтика Э.По. Герой стихотворения тоскует об умершей возлюбленной, и рефреном, создающим эффект обнаженности чувства, звучит "Никогда!".⁶ В подтексте слышится и отголосок знаменитого хайку М.Басё, которого Сосэки досконально знал и любил.

На голой ветке
Ворон сидит одиноко.
Осенний вечер.⁷

Печальный настрой этих ассоциаций относится, по-видимому, не столько к облику Кэбера, сколько к душевному складу самого Сосэки, преобладающей тональностью всего творчества которого была меланхолия. Сосэки сам пережил в Англии острый приступ ностальгии и мог предполагать ее скрытой в душе Кэбера, одиноко стареющего на чужбине.

Деликатным, отрешенным от грубой действительности и светской суеты запечатлен образованнейший интеллигент, выходец из России, оставивший свой след в истории японской культуры.

---

¹ Имеется в виду Литературное отделение Имперского университета в Токио. Философия, а также история традиционно изучается в Японии на Литературном факультете. Отдельных исторических или философских факультетов не существует и поныне.

² Нацумэ Сосэки. Учитель Кэбер, – "Гэндай нихон бунгаку дзэнсю", т.19, Токио, Кайдзося, 1927 г., с.277–279.

³ См. Краткий литературный словарь Иванами (Иванами сэдзэн-тэн. Нихон бунгаку. Киндай), Токио, Иванами сэтэн, 1965, с.57.

⁴ Цит. по сб. "Фундаментальное знание истории мысли в Японии нового времени" (Киндай нихон сисоси киси тисики), сост. Нисигава Бунсо, Кано Масанао, Хираока Тосио. Токио, Юхикаку, 1971, с.239.

5 Нацумэ Сосаки. Учитель Кабер, с.279.

6 "...Потерпи, придет забвенье, ведь всему своя череда".
Ворон каркнул: "Никогда!".

...

"И затянет рану сердца, словно мертвая вода?"
Ворон каркнул: "Никогда!".

...

"Встречусь ли, когда земная кончится моя страда?"
Ворон каркнул: "Никогда!".

См. Эдгар По. Лирика, Ленинград, Художественная лит-ра,
1976, с.84-88, перевод М.Донского.

7 Перевод В.Н.Марковой.

М.Е.Кравцова

"ПЕСНЯ О БЕСКОНЕЧНОМ" ШЭНЬ ЮЭ (44I-5I3)

1. У весенних полей покрылись побегами зазеленевшие ивы,
2. На морозных ступенях намело сугробы блестящего снега.
3. Цветением-зеленью полнились былые дни,
4. Метелями-вьюгами завершились мечты о грядущем.
5. Завершились мечты... год подходит к концу...
6. Бывало не раз незаметным начало в природе.
7. Начало в природе невозможно, нельзя не заметить...
8. Быстротечен расцвет, что в погоне за убывающим месяцем.
9. Месяц вновь округлится, станет полной луной,
10. Быстротечен расцвет, навсегда он потонет-исчезнет.
11. Внешность - изменится летним лотосом,
12. Сила - одряхлеет осенним инеем.
13. По пути и по бездорожью - придешь к одному и тому же,
14. И мудрый, и глупый - оба с жизнью расстанутся.
15. Печалью охвачен, разве скажешь: ну и пусть!
16. Небесное Дао ни для кого не сделает исключения.
17. Заслуги и слава, знаю, отмечены будут,
18. Бамбук и шелк отыщут разломанными-изорванными.
19. За пределами жизни трудно что-нибудь отыскать...
20. Вот сижу, записать хочу мои бесконечные вздохи.